

Танго

Фиолетово-желтые отблески солнца скользят по шербатому столу, шифоньеру с разбитым зеркалом, старому посылочному ящику с детскими игрушками и застревают в ворохе сырого белья, приготовленного для глаженья. В двух низких креслах, стыкованных на ночь, спит ребенок. Ножки его поджаты под тонким одеялом. Рот приоткрыт, кулачок упирается в щеку. В углу, на деревянной кровати, против низкой кирпичной плиты со ржавыми кольцами, спят мужчина и женщина. Он бормочет о каких-то бумагах, временами вскрикивает. Она безмолвно спит лицом к стене после суетного дня и ненавистой стирки в жестяном корыте.

Через сорок минут будильник опрокинет их в холодное мартовское утро. Она станет хлопотать на закопченной кухне вокруг примуса и бутербродов с консервированным паштетом, купленным у поварахи из больницы. Он будет стелить постель, выгребать золу из остывшей плиты, а потом сядет на край кровати и провалится в дрему еще минут на десять.

Когда Она войдет в комнату, Он встрепенется, подхватит с полки деревянную подставку и торопливо сунет ее под чайник, который Она выжидающе будет держать над столом.

Потом Она разбудит сына, и ребенок, как всегда, начнет день с плача и будет упрямо натягивать одеяло на сонную голову. Она будет нежно шептать "mi querido hijito", обещать что-то, ласкать его и задышаться в восхищении от шелковистых пепельных завитков на детском затылке. Мальчик захнычет, оттолкнет ее руку, а Она ему, еще сонному, примется надевать толстые коричневые чулочки... Наконец, застегнет их на петли, поцелует его в щеку и потянет за руку, они побредут в кухню, и над утробой чугунового отлива Она будет обтирать ему лицо и шею холодной водой.

Протяжные гудки пронзят утренний город, зашипит армия чайников, в половинках газет спрячутся унылые завтраки, захлопают бесчисленные двери... Серая-пресерая масса высыплет на улицы и заспешит к фабрикам, конторам... Тысячи ртов будут выдыхать "деручий" табак "Беломоркана-ла", отхаркивать, отрывивать и чертыхаться, а заскоружные пальцы — растирать набрякшие от вчерашней пьянки глаза.

Танго в раздумьях аккордеона, тягучее как мед, осторожно ступает и пробежкой крадется к гибким телам... Вдруг обрушится дерзким порывом,

^{*} (Исп.) мой любимый сыночек.

смерчем закружит юбки, брюки, черные чулки, галстуки и красные губы, побежит электрическим разрядом по коже. И крепче сожмутся ноги и ту- же сплетутся руки, и только замелькают туфли и засверкают глаза Она упадет на его согнутое предплечье, и он поволочит ее покорное тело... Но вот она вскипит, вопьется ступней в его ягодицу... Его рука стиснет ее бедро... Снова замелькают черно-красные пятна и замрут чулками, губами, глазами, и трепетный стон не то музыки, не то сплетенных тел взметнется столбом и с дрожью расплещется в последнем аккорде...

Пока ребенок ест завтрак, Она выбегает из комнаты за позабытым ножом и, замерев в дверях кухни, любуется его смуглым мускулистым телом, извивающимся под струей. Взгляд его выхватывает ее тонкую фигуру в проеме двери. Он поворачивается, делает к ней шаг и, разбрызгивая воду, стекающую по спине и груди, мокрыми руками обхватывает ее матовое лицо и с нежностью втягивает ее губы в свой рот. Она поджимает ногу и медленно касается его коленом и растекается по его груди и бугри-стому животу... Он подтягивает халат и руками обвивает ее ягодицы. "Мама", — кричит ребенок из комнаты... Они вздрагивают и отталкиваются друг от друга. Она спешит в комнату, а Он поднимает упавшее полотенце и вдруг со стоном бросается к отливу и смывает неудержимое семя.

— Dios mío, — шепчет Он с отчаяньем, — по puedo aguantar más... no puedo... ¿Qué es lo que hicimos que nos castigas tanto?*

Он упирается лбом в шершавую стену и с силой ударяет по ней костяшками пальцев. Слезы бегут из глаз. Он наклоняется и усиленно плещет водой в лицо.

В коридоре хлопает дверь. К кухне приближаются шаркающие шаги соседки Анны Митрофановны. Он отходит в сторону, начинает вытираться. Щелкает выключатель, загорается еще одна лампочка скарлатинового света.

— Доброго ранку, — кланяется Он ей.

— Угу, — бурчит Анна Митрофановна, глядя в пол. Она ждет, что Он извинится за лужу перед умывальником, но Он молчит. Анна Митрофановна не выдерживает:

— И кто же это будет подтирать?

Он беспомощно топчется, ищет глазами тряпку, но не находит.

— Понаехали на нашу голову! — Анна Митрофановна перегибается через лужу и опорожняет в отлив зеленый ночной горшок.

^{*} (Исп.) Боже, я больше не в силах вынести... не в силах... За что ты нас караешь?

— Пробачте, — бормочет Он виновато и спешит в свою комнату.

— Шоб ты сказался, — шипит ему вслед Анна Митрофановна. По-прежнему с горшком в руке, она ногой тянет половую тряпку из-под своего кухонного стола.

— Хуже немцев... те чистоту уважали, а эти, чисто цыгане, лопочут и курят целый день, а убрать за собой — дудки!

Анна Митрофановна увлечена и не замечает, как в кухне появляется молодая блондинка с большими металлическими бигуди. Анна Митрофановна поспешно заводит руку с горшком за спину, и морщины ее растягиваются в улыбке.

— Утречко добренькое, Верочка! Ну, как спалось? Что снилось?

— Здорово, Митрофанна! — басит блондинка. — А шо приснилось? Я вчера як вырубилася после гулянки, так ничего и не помню. Ты, Митрофанна, случаем не видала, я одна пришла или хто был со мной?

Блондинка громко икает и осторожно трогает бигуди. Из надорванного кармана китайского халата она извлекает пачку папирос.

— Дай прикурить, Митрофанна. Я свои в комнате оставила.

Анна Митрофановна торопливо протягивает ей коробок спичек и понимающе подмигивает:

— Да уж не одна, Верочка... с летчиком прилетели... хэ-хэ... Да...а...а... красивый такой мужчина... видный...

— С летчиком? — задумчиво тянет блондинка. Она недоуменно кричит губы и выпускает дым через ноздри. — Хм... не помню...

— Вы, Верочка, поосторожней перед отливом... Пол мокрый еще... Я только подтерла за испашкой... налил лужу, понимаете, а убрать за собой извини-подвинься... чисто свинья... Как вам такое нравится?

— А шо? Испашка мне очень даже... только гордые они чересчур и акромя выдры своей глистозадой никого не видют... А то бы... я его бы...

Обе женщины весело смеются. Анна Митрофановна даже рукой машет от удовольствия.

— У них в Аргентинии бабы неинтересные, а мужики страстные, як наши грузины... А этот еще и красавчик! Токо чога их сюды принесло?

— Не знаю, Верочка, не знаю... Я вот хотела просить у вас, если не затруднительно...

— Тридцатки хватит? — вяло спрашивает блондинка.

— Да уж хватит... конечно... Мне до следующей среды, а в среду у Пал Васильича получка, так я сразу...

— Да ладно те, Митрофанна! Кода отдашь, тогда и отдашь...

Блондинка бросает окурок в отлив и поворачивает голову на звук шагов из коридора.

— Ишь, святая троица! — Анна Митрофановна презрительно хмыкает, — каждое утро втрёх высыпают.

— А где он работает? — блондинка, опершись о косяк, выглядывает из кухни.

— Шут его знает, Верочка. Иногда днем дома торчит, а то допоздна не приходит. Ее видала в хлебном на разрезке... а он — не пойму.

— А ты разузнай, Митрофанна! Не мешае знать, с кем живем под одной крышей! Може, они шпиёны... Так наш долг выведать и докласть... Ты как думаешь?

— Так и не думаю! Чисто шпионы! Иначе, какого хрена сюдой из Аргентинты тащить? По мне, так сразу бы их на Колыму... Кабы не помер Сталин в позапрошлом году, так их бы вмиг упрятали! А тут комнату дали в самом центре, ребенка в детский сад без очереди... На всем готовом живут... О нас власти, небось, не хлопчутся... А этим, здрастье-пожалста, и то? и сё... И шо с ними так нянькаться, раз они здесь!

Танго, летучее, кинжальное танго! Томное до онемения в кончиках пальцев... четкое в тысяче касаний, в шелесте тел, в запахе воздуха, в гуле голосов и цоканьи рюмок! Танго! Любимое танго! Щека к щеке с раздавленными бусинками пота; поворот головы, кружево ног... и переборы бандонеона... Танго под всхлипы гитары в сизом дыме сигары Сесара и хриплый голос мамаситы Тересы... И сварливая Росарио между столиками, опорожняющая пепельницы... Друзья, с которыми в детстве гонял в футбол... Любимые переулки, и пятна витрин в теплом декабре на Рождество... Свидания с Консуэло, Марисоль, Эстелой, Карлой... пока не встретил Линду... И первая послесвадебная неделя, которую провели взаперти... и пляжились всю вторую... и просыпались утром и благодарили Небо...

Он сидел на скамье в садике напротив гостиницы "Спартак" и глядел на колышущиеся тени веток акаций. В девять Он должен быть в номере 238 на втором этаже... второй этаж, номер 238, в девять... Господи, зачем все это? Эта непонятная жизнь... Чужие люди, копошащиеся в его мыслях... Чужие запахи... А в Буэнос-Айресе... Там кафе дона Игнасио, шум голосов портенос, шутки друзей, головокружительное танго... И мечты болтунов... А он еще до хрипоты в горле доказывал Хорхе и Антонио... Боже милосердный...

На неньку Украину их семьи из Аргентины и Уругвая корабль доставил шестнадцать месяцев тому назад. Их приветствовали в порту флагами и маршами. Им жали руки, улыбались, кричали "ура", произносили радостные речи и называли "счастливыми", и они были счастливы... Их никто никогда так не встречал. Они без устали махали руками и плакали, потому что вздохи и молитвы дедов не пропали даром — они вернулись!

Сначала всех поселили в доме отдыха за городом. Постепенно стали развозить семьи по новым адресам. К концу третьей недели выкрикнули фамилию Пивень. Через пять месяцев всех снова собрали во Дворце железнодорожников на торжественном вручении паспортов. Их лица уже не сияли. Им велели помахать цветами перед кинокамерой, и они махали... с потухшими глазами и сомкнутыми ртами. С ними говорили по-русски, а они стеснялись своего заморского украинского — они уже многое усвоили в новой жизни...

После торжественной части к Нему подошел блондин и велел подняться на второй этаж. Он недовольно повел плечом. Тогда блондин с силой произнес: "Робіть, шо вам кажу!". И Он пошел. В методическом кабинете на втором этаже его ожидали двое мужчин. Один лет пятидесяти и второй — совсем молодой. Старший поднялся навстречу, представился подполковником Урыгиным и энергично пожал ему руку:

— Поздравляю, товарищ Пивень, с получением советского гражданства и советского паспорта. Знакомьтесь, мой коллега, Владимир Михайлович Цикун.

Молодой протянул руку и приветливо кивнул. Они сели за низкий стол. Владимир Михайлович достал из портфеля сверток и, протягивая его, сказал:

— Это вам от нас подарок!

В комнату постучали, дверь осторожно отворилась: на пороге, широко улыбаясь, замерла буфетчица с подносом в руках. Владимир Михайлович резво поднялся и принял поднос. Разлив водку, он радостно потер ладонями: "Прошу!". Подполковник ослабил галстук, прочистил горло и поднял стакан:

— Ну, еще раз с замечательным событием в вашей жизни! Помните и гордитесь — вы теперь граждане великого Советского Союза!

Подполковник опорожнил стакан, ухнул, подхватил кислый огурец с подноса:

— Что же вы не пьете, Альберто? Давайте-давайте, привыкайте к нашим традициям! Теперь, впрочем, и вашим!

И Он выпил и тоже выудил кислый огурчик. Подполковник заговорил о зиме, рассказал шутку про черный снег в Африке, которую Он не понял, а потом поинтересовался, нравится ли Ему проектное бюро, как Рикардо освоился в детском саду, и пообещал другую работу для Линды. Еще спросил, с кем Он и Линда поддерживают отношения в новой жизни, о чем говорят друзья, и продала ли Надя отцовский дом...

Он бросил тревожный взгляд на подполковника и пробормотал что-то невнятное... Голос подполковника сделался жестким:

— Только в прятки с нами играть не надо... Да-да, Альберто, не надо!

Подполковник поднялся и стал медленно вышагивать по комнате:

— Мы думаем, что вы это делаете от растерянности... потому что напуганы произошедшими в вашей жизни переменами. Так ведь? Но мы здесь для того, чтобы помочь вам... Ну, разумеется, в свою очередь мы рассчитываем на вашу помощь... как принято меж друзьями.

Подполковник остановился и пристально посмотрел на него сверху:

— Я верю, что после сегодняшней встречи ваша жизнь начнет меняться к лучшему, товарищ Пивень. Вот за это обязательно надо выпить.

Полковник кивнул Владимиру Михайловичу, и тот мгновенно потянулся за бутылкой.

— Я не розумію, про шо ви говорите, — осмелел Он.

Тогда подполковник сказал, что они знают, пока их семье трудно, но пройдет два-три года, Он подучит русский, его переведут на должность архитектора, Линда тоже освоит язык, они купят участок земли и построят дом по его проекту.

— Как мечтали, не так ли?

Он неуверенно кивнул.

— Но самое главное, — торжественно продолжал подполковник, — это то, что ваш сын теперь гражданин великой страны... Ну, а теперь давайте выпьем за то, чтобы меж нами не было недоразумения.

Урыгин заглотнул водку, подул в кулак и подцепил ломтик сыра.

— Конечно, вы совершили ряд необдуманных поступков... можно сказать, даже серьезных ошибок. Но мы понимаем... Мы понимаем... Поэтому решили пойти с вами на разговор, выяснить ваше отношение к некоторым обстоятельствам... и заодно помочь вам разобраться... Вот, скажем вы отговариваете вашу сестру Надю от приезда... Не нужно ей советовать "подумать". Она уже все обдумала и решила, а вы своими письмами только сеете необоснованные сомнения... и вообще, не нужно жаловаться. Ни по-испански, ни по-украински! Не раскисайте... и перестаньте идеализи-

ровать прошлое! Вы ведь не для того приехали в СССР! Люди вокруг вас правильно оценивают ситуацию. Однако помочь мы вам можем, если убедимся, что помогаем другу... дру-гу!.. Вот так-то, товарищ Пивень! Надеюсь, вы меня правильно понимаете?

Он попытался ответить, но слова вышли жалкими. В голове все время вертелось "советское гражданство"... "советское паспорт"... "гражданин великой страны"... Как же так? В его паспорте написано "аргентинец". Он проверил паспорт Линды сразу после вручения. Там тоже "аргентинка". Стало быть, они по-прежнему аргентинцы. Они не собирались менять гражданство. Так они решили еще на корабле: сначала поживут-посмотрят, понравится ли, а уже потом видно будет, менять гражданство или нет. Они даже в анкетах писали "национальность — аргентинцы". Почему же этот военный все время повторяет "советское гражданство"? И откуда ему известно, о чем Он пишет сестре и что обсуждает с земляками?

Он было решил спросить, но в этот момент Владимир Михайлович встал и протянул ему листок с номером телефона. Владимир Михайлович сказал, что уверен, они будут друзьями...

— Нам предстоит обсудить еще много вопросов. Встретимся в гостинице "Спартак", в номере 238 в шесть тридцать во вторник. Договорились? Только о нашей встрече никому, даже вашей жене...

Он не пошел в гостиницу на следующей неделе. Через месяц Владимир Михайлович пришел к нему на работу и спросил, почему Он увильнул от встречи и почему не пишет писем сестре — она волнуется, послала запрос в Красный Крест.

— Нехорошо, товарищ Пивень! — сказал Владимир Михайлович. — Не по-нашему это!

— А как по-вашему? — раздраженно выкрикнул Он.

Цикун недовольно уставился на него, покачал головой:

— Ну что ж, Пивень, не хотите по-хорошему, давайте по-плохому... Вы заявление о возвращении в Аргентину зачем подали? Вам что, непонятно, что к Аргентине ваша семья не имеет никакого отношения? Вы теперь советские люди, и родина у вас навсегда — Советский Союз! И зарубите себе на носу, что у вас нет никакого аргентинского подданства. В паспортах у вас записано "граждане СССР", а национальность, как просили в анкете, — "аргентинцы"... На-ци-о-наль-ность! Понятно? Ваш отъезд нецелесообразен для нашей страны. Вы нам еще когда-нибудь за это скажете "спасибо". Как советский человек вы обязаны помогать советской власти! Мы вам жилье дали, работу подыскали, ребенка устроили в детсад, а вы к нам

с враждебностью? Вот это и есть не по-нашему, Пивень! Вы или с нами, или против нас! И я вас спрашиваю, по какую сторону баррикад стоите?

Он прошептал "не знаю"... схватился за голову, качнулся и упал на пол.

Пришел в себя Он на стеганом кожаном диване. Перед ним стояли врач и медсестра скорой помощи. Врач с еврейской картавостью объяснил, что у него повысилось давление, что надо соблюдать режим, не курить и не предаваться излишествам в любви, а то давление снова подскочит...

— В двадцать девять рановато для инсульта.

Сестра сделала ему второй укол, опять измерила давление. Врач на прощание похвалил его, сказал "лады"...

В кабинете остались Он и начальник отдела кадров Иван Никанорыч Крячок, юркий коротышка с бабьим лицом.

— Ну, шо ж это вы себя не жалеете, товарищ Пивень? Вам подлечиться надо. Мы вот здесь в администрации вошли в положение, покумекали и решили выделить вам профсоюзную путевочку в санаторию, понимаете, в Крым... Нда...а... так что лечитесь, а как подлечитесь, ворочайтесь до нас, и мы вас на старшего техника повысим... вопрос, понимаете, уже обсужден.

Иван Никанорыч протянул ему сложенную втрое полоску бумаги, еще разок сказал "нда...а..." и выкатился из кабинета.

Танго, грустное танго... медленная капля, стекающая по пыльному стеклу, обгоревший гвоздь на пепелище... танго с перекошенным судорогой лицом и с распахнутым в немом крике ртом... танго больничного воя и скрежета ломаных ногтей... И сил уже нет в обмякшем теле... и скалится гитара обглоданной костью... и непонятно, живо ли оно... танго — танго... тан-го... тан...

Он не вернулся на работу и не написал Наде. Она вызвала его телеграммой на переговорный пункт. Он успел сказать ей "Nadia, ¡no te vayas! ¡Nunca! ¡Jamás! Es una pesadilla, Nadia... Te imploro que te quedes..." — и телефонная связь оборвалась.

Они одолжили денег у Мыколы и Алисьи, и Он поехал в Москву, в Аргентинское посольство — просить помощи.

Его арестовали перед самым посольством "по подозрению в подготовке террористического акта на территории иностранного государства". Под

¹ (Исп.) Надя, не уезжай! Никогда! Ни за что! Это какой-то кошмар, Надя... Умоляю тебя, останься...

конвоем привезли назад и посадили в КПЗ. На третий день уголовники избили его, а на четвертый изнасиловали... Еще через день появился Цикун, удрученно покачал головой и молча протянул бумагу. Он заплакал и подписал, не читая... Цикун вслух прочел документ, из которого следовало, что ни у него, ни у Линды нет никаких претензий, Он сожалеет о содеянном и просит компетентные органы простить его за вред, причиненный советской власти. Он тихо плакал... А когда Цикун сказал, что отвезет его на служебной машине домой, разрыдался...

Через две недели Цикун появился в их комнате. Линда была на работе, а Рикардо в детском саду. Цикун был строг. Сначала долго поучал, как надо жить по-честному, по-советски, а потом перешел на крик:

— Посмотрите на себя! Сидите дома, заросли щетиной и пьянствуете! Вы что, совсем свихнулись, Пивень? О себе не думаете — подумайте о семье! Жена ваша из кожи вон лезет на двух работах, а вы... Вот что, Пивень, или вы приступаете к трудовой жизни, или мы забираем ребенка в детдом! Советские дети должны жить в нормальных условиях, без влияния враждебной идеологии!

Он начал ходить в гостиницу "Спартак", в комнату 238, каждую среду, в девять часов утра. Никто не настаивал, чтобы Он вернулся на работу. Ему выплачивали пособие из Красного Креста. Раз в месяц Он приходил за деньгами, расписывался в ведомости политэмигрантов и с облегчением выскакивал на улицу. Их стали избегать. Куда-то исчезли давнишние знакомые; о нем пошел скверный слух. Только Мыкола и Алисья еще приглашали их к себе. Мыкола делался модным портным. Он округлился и выглядел вполне благополучным человеком. Алисья показала Линде брошь и кольцо, которые Мыкола ей купил на их годовщину через одного из клиентов, заведующего скупкой драгметаллов. По секрету сказала, что скоро начнут строить дом... хотя на четыре спальни...

— Как у дона Порфирио, помнишь?.. С крытой беседкой во дворе...

Без пяти девять Ему снова придумывать истории о тех, с кем Он давно не поддерживал связи...

Он встал, пересек улицу, подошел ко входу гостиницы... и, не задерживаясь, прошел мимо... Тихо побрел по немногочисленному переулку, в котором начали распускаться деревья. Обошел театральный сквер и остановился у городской доски почета: головы всех мужчин на выцветших фотографиях были стрижены под "бокс" и повернуты под одним и тем же углом вправо, а головы женщин с одинаковыми "бубликами" — под тем же углом влево.

— В большом городе несложно найти двадцать человек с одинаковыми затылками...

Он шел, не выбирая дороги, пока не наткнулся на брусчатку моста над припортовым спуском. Посередине остановился, оперся локтями о парапет и в такой согбенной позе долго смотрел на торговые причалы, где суетились фигурки людей, размеренно поворачивались стрелы подъемных кранов и сновали игрушечные электрокары. Под мостом, тяжело урча, поднимались по спуску грузовики с контейнерами... один... еще один... еще...

Танго, горячее, как ожог, и хмельное, как звездное небо, содрогнется в двух сомкнутых телах и долго кружит в переливах под сладостный шепот и стон шагов... Танго! Невозможное танго! Убегают и с тихим плеском растворяется в пустоте... и не остается ничего — ни звука, ни чувств... лишь вздох пережитого наваждения...

Утром следующего дня Анна Митрофановна деликатно постучала к соседке. Блондинка была не одна, поэтому едва приоткрыла дверь.

— Ну? — сказала она сипло и похлопала себя по разинутому рту... — Чого тебе?

— Добренькое утречко, Верочка, — затараторила Анна Митрофановна, — токо не доброе оно, потому как жуткая новость... — и она умолкла, заманивая блондинку в разговор.

— Шо? — резко спросила блондинка, — Полюську за краденое арестовали? Так ты не бойсь! Не закладу. Я-то знаю, шо вона у тебя барахло хранит.

— Да что вы, Верочка? Бог с вами! Полина Петровна святая женщина... Наговариваете вы на нее... И при чем туточки я к ее товару?..

— Ну, шо ты заблеляла, Митрофанна? Не про тя и ладно... а про шо?

— Другое... Верочка... совсем другое... Нюрка только что забегала... Этот наш испашка вчера с моста сиганул... и насмерть! Его еще грузовик переехал... Дворника в пять утра на опознание вызвали... а этих его вчера на ЗИМе увезли куда-то...

— С моста?.. С какого моста? — поразилась блондинка и от неожиданности распахнула дверь... И тогда Анна Митрофановна замерла с разинутым ртом и, никак не в силах отвести потрясенного взгляда от двух голых мужчин на Веркиной кровати, завизжала "мамочки мои!" и бросилась в свою комнату.

— От дура! — злобно процедила блондинка. — Щас начнет языком молоть... Мда...а... жалко испашку... красивый шельма был!

Блондинка потянулась, передернула телом и захлопнула дверь.

Анна Митрофановна выглянула из своей комнаты в темный коридор. В одной руке у нее был зеленый ночной горшок, в другой — оба шлепанца. Босиком, на цыпочках, подкралась к Веркиной двери и согнулась до замочной скважины, но из-за ключа, вставленного с другой стороны, ничего не увидела.

— Тыфу ты, — едва дыша, прошептала Анна Митрофановна и плотно прижалась к отверстию.

В ухо неприятно дул сквознячок. Анна Митрофановна потрясла головой и снова приложилась к двери: из глубины комнаты доносились мужские голоса и смех блондинки.

— Вот ведь устроилась, курва! И никакой управы на нее нет... и с моста не кинется, и заразу не подцепит...

Анна Митрофановна оторвалась от двери и плюнула на половичок. Надев шлепанцы, она привычно зашаркала по коридору. В кухне нащупала свой выключатель, но помешкала... и включила лампочку Пивней.

— Им теперь все равно!

Она старательно полоскала горшок, несколько раз кивнула, а то вдруг пожала плечами, словно соглашалась и не соглашалась с одолевавшими мыслями.

Лос-Анджелес

Красивая женщина...

Жил-был художник

Красивая женщина, которая позировала художнику, выглядела так, как будто она только-только спустилась с облака: в ее глазах дрожало небо, в душе плескалось море, а в сердце варили самогон.

— Ты знаешь, что через меня прошли три стихии, — улыбнулась красивая женщина. — Нет, они меня не изменили, они поглотили меня. Они наполнили меня счастьем.

— Скажи, пожалуйста, ты что, уже вытащила занозы из души? — красивую женщину пожирал глазами полуголый дядька с волосатыми плечами и короткими пальцами. Он окунал пальцы в краску, смешанную с клеем и вареньем, и размазывал ее по холсту. У закрытого окна толпились мухи и комары. Дядька открыл окно, и толпа насекомых ринулась к холсту.

— Красиво... — сказал дядька, глядя, как прилипшие мухи пытаются наесться перед смертью.

— Мерзко! — сказала красивая женщина и ушла на кухню готовить кофе. Она знала, что ее мужу просто необходимо выпить кофе, когда завершена очередная картина. Растирая черный порошок с сахаром, она вдыхала любимый запах и думала:

— Когда заканчивается романтика любви: когда понимаешь, что твой муж не гений вовсе, или когда готовишь ему сто первую чашку кофе?

Шаркая тапочками, вошел дядька и принес собой сладкий запах вишневого варенья. В его толстые короткие пальцы въелась красная краска. Он похлопал жену чуть ниже талии, оставив розовые пятнышки. Красивая женщина дернула бедрами, отгоняя его, как надоедливую муху. Дядька уселся на стул, и живот распластался у него на коленях:

— И что, моя девочка уже приготовила мне кофе?

Красивая женщина бросила ложечку в раковину и выключила свистящий чайник.

— Каждый раз одно и то же, — подумала она, но вслух сказала: — Грустно лишь тогда, когда звуки разбиваются о голые стены...

— Наверное, — многозначительно икнул муж. — Наверное, эти стены видели и лучшие времена. Но я уверен, что им все равно, что в них швыряют, то ли звуки, то ли вообще ничего. Они дышат моими картинами. Это пристанище, прибежище, лежбище для картин. И звуки разбиваются не о стены вовсе, а о мои картины. Ты же любишь мои картины?

Красивая женщина преданно посмотрела на мужа:

— Нет... Я их... Нет, я их люблю...